

Конец философских времен:
как изменить философию, чтобы
она могла участвовать в решении
проблем реального мира?
Философия и проблемы
реального мира

Анна-Франсуаза Шмид

Конец философских времен: как изменить философию, чтобы она могла участвовать в решении проблем реального мира? Философия и проблемы реального мира

Анна-Франсуаза Шмид — философ, ассоциированный профессор кафедры теории и методов инноваций MINES ParisTech, Paris, France; e-mail: annefschmid@gmail.com

пер. с фр. Марии Бондер¹

под ред. Никиты Архипова

Ключевые слова: философия, родовое, реальный мир, междисциплинарность, недодетерминация, интегративный объект

Мы строим гипотезу, согласно которой философия и реальный мир не имеют прямой связи, а также пытаемся вообразить условия, при которых философия могла бы состоять с ним в подобных отношениях. Для этого мы прибегаем к понятию «невозможности», вводим идею о множестве философий, рассматриваем вопрос о самодостаточности философии, говорим о таком реальном, которое не выступает продуктом философии, а также касаемся понятия «нестандартной философии». Впо-

¹ Перевод с французского Марии Бондер по изданию: ©Anne-Françoise Schmid. *La fin des temps philosophiques: comment changer la philosophie pour la mettre en situation de contribuer aux problèmes du monde réel? Les philosophies et les problèmes du monde réel.* // Oraxiom, 2020. P. 33-40. Публикуется с любезного разрешения автора. *l'invention philosophique*», которой руководил Ларюэль.

следствии мы дадим иную интерпретацию для всего вышеперечисленного, обращаясь к понятию «родового», а также заменим привычное понятие сверхдетерминации на недодетерминацию. Этот ход изменит отношения между многочисленными философиями и другими дисциплинами. Множество философий больше не смотрят на прочие дисциплины сверху, но располагаются на одном уровне с ними, чтобы создать как новые связи между самими философиями, так и связи с другими дисциплинами.

Как изменить философию, чтобы она влияла на решение проблем реального мира? Эта задача предполагает два неизвестных: философия и реальный мир.

1. Философия традиционно мыслилась в определенном отношении к реальному миру по той простой причине, что за ней предполагалась задача не только распознать его, но и участвовать в его организации с помощью диалектики и топологии. Впоследствии это породило ряд проблем — проблем реального мира. Одна философия могла считаться более обоснованной, чем другая, поскольку ее идеи способствовали формированию реального мира. В итоге мы имеем множество «реальных миров», которые соперничают друг с другом и могут пойти друг на друга войной.

2. «Проблемы» реального мира обозначают своего рода «невозможное» для философии, но тем самым они дают ей повод (*occasion*) превзойти себя и отводят место для новой философии. Предполагается, что проблемы реального мира существуют в дискурсе, но при этом не исчерпываются им: с одной стороны, они преодолимы посредством риторики, с другой — ускользают от нее.

3. Как следствие, каждая философия надеется достучаться до реального мира, пока он непрерывно деградирует: «Во времена, когда финансы, глобализация и глупость захватили мир и т. д.», каждая философия считает, будто способна предоставить свое решение и установить свое господство. Это ставит ее в противоречивую ситуацию: скажем, гуманизм был из разряда нелепиц, каких только свет не видывал, и тем не менее нынешний мир считается дегуманизированным. Как только какая-нибудь философия начинает публично высказываться, она конструирует похожие противоречия, разрешение которых превышает ее технические возможности.

4. Время якобы движется навстречу все более темным горизонтам, и якобы только философия сможет стать спасительным лучом света. Так философия сообщает проблемам реального мира их темпоральность. Дело заключается не в том, чтобы раз-

рушить философию или «реальный мир», но устранить их переплетение. Если оставить в стороне как их взаимодополняемость, так и противопоставление, то и философия, и реальность обретут новые измерения.

Проблемы 1-4 формируют смутную идею о структуре философии. Она дается через противопоставление с другими философиями и в то же время с «реальным миром» в той мере, в какой он ускользает от философской ясности. Будто самостоятельно их воздвигнув, философия возникает через указание на собственные границы. Всякая философия удваивает эмпирическое, порождая ту его версию, которую она держит на расстоянии, и двойника, которого являет ее трансцендентальное. В то же время имеются две темпоральности, одна из которых восходит к традиции и составляет ее богатство, тогда как в другой эта традиция подлежит преодолению благодаря философии, в защиту которой мы высказываемся или не высказываемся («я кантианец», «я был сартрианцем и феноменологом» и т. д.). Таким образом, рассказ о появлении философий отправляется от традиции, чтобы объединить ее в альянс с невозможным союзником (как одновременно мыслить феноменологию и структурализм, как создать место «субъекта» в формализованной системе и т. д.). Так рождается любая философия. Сам феномен подобных альянсов крайне интересен, но его следует пересмотреть, вновь обратившись к каждой из проблем, перечисленных в пунктах с 1 по 4.

1. Философию стоит не столько мыслить как философии, прибегая к форме множественного числа, но считать эту множественность необходимой и изначальной, чтобы не иметь дело с ее урезанной версией. Давайте же избавим философию как от традиции, так и от мрачных мыслей о реальном мире, чтобы придать ей состоятельность самобытной «формы» мышления о противоположностях. Следует придать ей подобную форму вовсе не для того, чтобы нейтрализовать эти противоположности, но чтобы полагать их взаимную независимость или их тождество. Мы отдаем себе отчет в наличии противоположностей, но видоизменяем их синтаксис. Это изменение оборачивается тем, что философия более не может повлиять на

проблемы «реального мира», но взамен она получает возможность совершать многочисленные напластования² различных эпизодов истории философии друг на друга с целью описать полученные результаты. Таким образом, из сочетаний того, что привычно считалось противоположным, изобретается синтаксис.

2. Предположим, что проблемы реального мира действительно существуют, но воздержимся от их философской интерпретации. Это означает, что реальность, представленная этими проблемами, предшествует философии, что она открывает для

² Термин *superposition* («суперпозиция», «наложение») употребляется Шмид вслед за Ларюэлем с оглядкой на *autoposition* («самополагание», «самопозиция»), в рамках не-философии выступающий пейоративом, и все значения собственно *superposition*. Для большинства из них ядром выступает суперпозиция как композиция функций (применение одной функции к результату другой), векторная или линейная сумма: принцип суперпозиции в классической физике — результат воздействия на частицу нескольких внешних сил — представляет собой векторную сумму воздействия этих сил; в квантовой физике — если для системы допустимы состояния Ψ_1 и Ψ_2 , то допустима и их линейная сумма вида $\Psi_3 = c_1\Psi_1 + c_2\Psi_2$. Наиболее известная иллюстрация последнего принципа — это мысленный эксперимент кот Шредингера. Поскольку Ларюэль и Шмид чаще всего имеют в виду контексты физики колебательных процессов или квантовой механики, матричной и волновой, это значение термина у них преобладает. В физике высоких энергий и микромире в целом принцип суперпозиции вытекает из некоммутативности волновых функций и их состояний, что дает квантовую логику, отличную от бинарной как в принципах исчисления, так и в ее аппаратной реализации (квантовые компьютеры и кубиты). В математической логике и исследованиях ИИ исчисление суперпозиций (*superposition calculus*) — это область автоматизированных умозаключений, на которой основывается доказательство теорем с помощью компьютерных программ в логике первого порядка с равенством; к нему если не могли раньше, то смогут теперь отсылать тексты Ларюэля про non-phi как A Phi (т.е. не-философию не как A.I., или artificial intelligence, даже general, но как Аф, или philosophie artificielle). См., напр.: Laruelle F. *L'ordinateur transcendantale: une utopie non-philosophique* // *Homo ex machina* / ed. F. Laruelle. P.: l'Harmattan, 2005. В квантовой информатике в области суперкомпьютинга квантовая в собственном смысле суперпозиция сулит достижение квантового превосходства (*quantum supremacy*; *suprématie/avantage quantique*) — суперполиномиального ускорения в решении сложных задач, где ответом служит выборка из вероятностного распределения, отличных от т.н. проблем разрешимости (*decision problems*; *problèmes de décision*) с однозначным «да/нет». Однако принцип суперпозиции имеется и в геологии: там он означает попросту то обстоятельство, что геологические породы идут в порядке их образования, т.е. более древние пласты залегают глубже. В таких случаях уместно будет переводить *superposition* как «напластование» или «наслоение». Именно с этим значением, к которому отсылают Ларюэль со Шмид в своих ответах, успели поработать Делез и Гваттари в своей последней книге, где ими в т.ч. обсуждается не-философия Ларюэля: Делёз Ж., Гваттари Ф. *Что такое философия?* М.: Академический проект, 2009. С. 68–69, 144. — *Прим. науч. ред.*

философии возможность новых невозможных альянсов, но позволяет описать их лишь косвенно, в то же время принимая описания других философий. Это не значит, что в силу существования напластований, «слоев» и страт, все философии равноценны в их отношении к реальному миру, как и не значит, что проблема и ее аспекты могут быть поняты только посредством несинтетического обобщения — синтеза без синтеза — всех косвенных подходов. В наше время известно, что множество научных проблем больше не находят окончательного обобщения. Наша медицина имеет дело с эпидемиями без патогенов, такими как ожирение или депрессия, где синтез знаний более недоступен. Добавим к этому также объекты, которые конструирует наука на междисциплинарном уровне. Эти объекты, не имеющие философского или этического статуса, если таковой не становится объективным выражением намерения конкретного ученого, я назвала «интегративными объектами».

3. Нет необходимости полагать, будто сегодня установить авторитет философии сложнее, чем когда-либо. Да, для философии настали непростые времена, однако подобное убеждение (или пережитое)³ необязательно должно сопровождаться представлением о времени как линейно нисходящем. Может существовать сразу несколько действующих темпоральностей, сопровождающих друг друга. Чаще всего будущее видят как не-грядущее (*a-venir*), как продолжение прошлого и настоящего. Но также мы можем различить другой модус будущего — ту его версию, которая надрезает настоящее и прошлое и одновременно осуществляет оба этих представления: будущее, к которому мы идем, но которое в то же время «капает» (это выражение Франсуа Ларюэля) в наше настоящее и прошлое.

4. Несомненно, у философии есть темпоральность, лежащая

³ Категория немецкой феноменологии, активно используемая в психиатрии. *Erlebnis* (или *веси* на французском) обозначает травматичный опыт, вокруг которого выстраивается сознательный дискурс человека, стремящийся затушевать травматичное. — *Прим.ред.*

между традицией и невозможным будущим, и от нее стоило бы избавиться, однако проблемы реального мира также имеют и учреждают многочисленные темпоральности, независимые от философий в их множественности. Вместо одной единственной темпоральности следует изобретать множество темпоральностей, синхронизируя и рас-синхронизируя их, будто это звуки музыки или шумы, объединяемые в партитуры. Для этого необходима архитектура, не отмеченная высокомерием: в отличие от того, как это было у представителей романтизма, она должна олицетворять не только будущий упадок. Эта архитектура положит предел общепринятому тезису, будто философия, как сова, всегда просыпается лишь в глубоких сумерках, когда уже слишком поздно. Однако уже с самого начала философия присутствовала здесь как множество философий. От стоящей особняком линейности мы переходим к сконструированной множественности, которую мы продолжим конструировать. В таком случае многочисленные одиночества станут причастны к открытой коллективной близости. Отсюда и произойдет возвращение к философиям, которые, однако, будут нейтрализованы и преобразованы в понятийное сырье, чтобы с их помощью реальность и ее знаменитые «проблемы» могли быть косвенно поняты.

Если допустить, что озвученные предложения-теоремы⁴ не могут напрямую воздействовать на «проблемы реального мира», то тем самым ценность философии только возрастет, а не уменьшится. Что-то происходит просто за счет того, что эти предложения-теоремы возникают. Однако их ценность

⁴ Автор статьи представляет размышление о том, что можно сделать с философией сегодня, и предлагает собственную позитивную программу. В этом отношении ряд пронумерованных пунктов можно считать «предложениями». В то же время она оформляет его в квазиформалистском стиле, как если бы столкнулась с необходимостью дать решение (*solution*) для алгебраической задачи. В этом отношении первые четыре пункта, подвешивающие «проблему», приобретают очертания «дано» или условий задачи. Подобная квазинаучная стилистика характерна и для самого Ларюэля, вдохновившего этот текст. Таким образом, перевод «предложения-теоремы» для термина «proposition» объясняется попыткой текста стать гибридом научного и философского. — *Прим.ред.*

составляет вовсе не их единство или рациональный характер. Они обретают свою ценность, находя решение для невозможной задачи.

Понятие родового

Но чтобы стать ценной, философия должна быть направлена на родовое (*générique*), она должна найти и создать пространство, место, где понятия, взятые в той или иной философии, обретут новый смысл и новые грани. Говоря об отношении философии к наукам, следует подкрепить ее родовой эпистемологией, относительно независимой от частных дисциплин. Эта эпистемология не относится к науке напрямую и не делает свои обобщения на основе одних только исторических фактов. Ее также следует сопровождать родовой этикой, которая должна всегда сохранять границы между дисциплинами и не допускать возникновения скопа суждений, борющихся за влияние. Этика привносит в философскую и научную работу демократию, где дисциплины и системы выступают на равных. Философии, понятые таким образом, становятся более объектно-ориентированными, они выступают не столько простым языком, сколько «trading zones» для разговора о современных вопросах. Приобретая более нейтральный характер, философии образуют собой множество граней (*dimensions*) для осмысления объектов, не сводясь при этом к языку, который утверждает равноценность социальной, философской и научной деятельности. Неоднородность — это стихия современного мира, тогда как философские понятия помогают лучше ухватить философские, научные и социальные различия.

Само понятие родового — это бритва Оккама. Оно очищает понятия от теоретической шелухи, из-за чего становится возможным их иное применение. Так называемое «минимальное» применение, подразумевающее, что реальное становится поводом для философского, а человеческое и научное больше не стоят особняком.

Как оценивать технологические объекты?

Когда мы оцениваем продукты нанонаук и нанотехнологий, молекулярной, синтетической и предсказательной биологии, мы рассуждаем о них с точки зрения роста рисков, неуверенности, соотношения выгоды и цены. Мы оставляем в стороне их объектный характер, из-за чего они остаются неопределенными.

Конечно, само понятие объекта сильно изменилось. Речь больше не идет про предмет, от которого субъект отделен одной лишь феноменологической дистанцией. Как мы говорили, сам объект является векторной суммой (*superpositions*) знаний, но также и не-знаний, поскольку каждая дисциплина частично некомпетентна. Кажущееся единство этого объекта образуется благодаря намерениям исследователей, однако он не сводится в одно и не может быть объяснен через совпадение перспектив различных дисциплин, как это происходит с комплексными объектами. Рассматривая эти объекты, мы имеем дело не только с нашим знанием, но и с не-знанием. В Этическом комитете каждый высказывается как эксперт, и все же каждый должен выражать свое мнение об объекте (а не только о языке), не укладывающемся в границы нашего знания. Объективная данность родовой эпистемологии состоит в том, что более не нужно заниматься доказательством или обоснованием, ориентируясь на логику конкретной дисциплины, но постулировать неизвестный объект, некий X, чьи свойства в непредсказуемой манере распределяются между дисциплинами.

Не стоит второпях определять объект, который мы называем «интегративным», как научный или технический. Поспешно счесть синтетический объект (*objet fabriqué vivant*) «техническим» — значит оценивать его как бы в последний момент, когда все уже сделано, не отказываясь от научных догм. Относиться к интегративному объекту только лишь как к техническому — значит рассматривать его как следствие и продолжение одной основополагающей дисциплины, например, «молекулярной биологии» или «синтетической биологии»,

не замечая, что междисциплинарная и родовая основа предшествует возникновению каждой из этих дисциплин. Мы рассматриваем объекты, как если бы они были плодами монодисциплинарной науки, и именно поэтому мы можем оценить их только по конечному результату. Напротив, необходимо изначально понять объект в его научной, технической, этической неоднородности и вооружиться экспериментальным методом для определения этого объекта.

Родовая эпистемология изолирует разнообразные аспекты отдельной дисциплины, науки или объектов, чтобы создать и задать родовое пространство. Оценка научного объекта может состояться, если мы учтем все его грани или аспекты (+1), а не сведем их исключительно к результатам использования этого предмета. Разумеется, у такого подхода есть преимущества и риски, но нам удастся иначе взглянуть на вещи, если мы сохраним их грани. В своем старании определить различные грани вещей, отделить современный интегративный объект от комплексного объекта, а также учесть знание, не-знание и частично-временные обобщения, он предполагает медлительность. Но с другой стороны, этот метод также предполагает ускорение, поскольку кооперирует дисциплины таким образом, что междисциплинарность не появляется только постфактум в силу нашего недовольства результатами конкретных дисциплин. Он быстр, потому что являет эпистемологические потоки, которые сложно описать в опоре на строгую иерархию дисциплин. Он не выносит окончательных суждений о таких объектах, считая, будто они выступают производными от все более и более дегуманизованного или комфортного мира. Человеческое не может быть не учтено, поэтому нам предстоит включить себя в тот способ, каким применяются эти объекты. Обнаружить грани вещей — значит избежать самых неполных и иерархизированных интерпретаций.

Недодетерминация отношений между философией и науками

Такой метод предполагает, что мы не рассматриваем философию изолированно. Философское познание больше не может быть «само-моделированием», как об этом мечтал Платон. Философия, в отличие от других наук, может быть познана только через стихию неоднородного. Чтобы познать философию, необходимо нечто в духе «реального мира», который мы можем представить лишь косвенно через другие дисциплины. Очевидно, что преобразование понятий определенной дисциплины в их родовую версию не должно следовать из позитивистской оценки, которую одна дисциплина дает другой.

Например, нестандартная философия сочетает переменные «философия» и «квантовая» в одной матрице. Почему «квантовая»? Несомненно, потому что это первая наука, которая говорит, что ее формализм относится не напрямую к естественным феноменам, а к состояниям и операторам. Чтобы изложить свои основные концепции, физикам понадобилось заново изобретать интерпретации и даже естественный язык. Философский вопрос не в том, имеют ли понятия ценность только как операторы, но в том, можем ли мы направить наши знания непосредственно на объекты, которые полагаются в качестве естественных.

Познавать философию — значит оказаться способным соотносить ее с другими знаниями в измерении родового, чтобы более не воссоздавать классические противопоставления, подразумевающие, что одна философия будет «обоснованнее», чем другая. Таким образом мы не отрицаем ее традицию, но обнаруживаем в ней разнообразное сырье и грани. Квантовая интерпретация философии позволяет придать смысл суперпозициями, некоммутативности дисциплин, воображаемому, которое осуществляет их синтез, превращая их в грани одной фигуры... В конце концов, она делает возможной этику, где «человек» — это «реальность» (*est le réel*). Кроме того, эта ин-

терпретация допускает построение квантовой эпистемологии, для которой главными понятиями окажутся вовсе не теория и опыт или теория и факт, но различные порядки величин, виртуальное, будущее, суперпозиции и флуктуации мышления. Возвращаясь к объектам, метод оценки которых и предлагается в настоящей статье, мы могли бы обратиться к неоднородному характеру биологии с эпистемологической точки зрения. Обычно о биологии судят через другие дисциплины: механику, физику, химию и все в этом духе. Это приводит к сетованиям на невозможность объединения биологии с помощью какой-либо теории. Эта мечта время от времени возвращается в форме теоретической биологии. Либо мы видим, как биология, подобно химии, переходит от описания к построению своей собственной онтологии. В результате нет способа превратить многообразие ее дисциплин, различных подразделов и версий генетики в отличительный признак. Тот факт, что наука может быть образована столькими дисциплинами, в высшей степени интересен. Например, это позволяет дать эпистемологический статус «данным», которые, в отличие от фактов, не «противостоят» теории, а могут быть объектом интерпретации целого ряда дисциплин. В глаза может не бросаться тот факт, что эти понятия относятся одновременно к информатике, математике и экспериментальным наукам. Они находятся в сплетении, которое больше не зависит от одной из биологических теорий.

Тогда можно представить особенности биологии и философии в виде матрицы, преобразуя философию в ее многообразии.

Мы можем представить в виде матрицы понятия традиционной и родовой эпистемологии, получая понятия, которые косвенно расскажут нам что-то об этих науках на междисциплинарном уровне.

При моделировании дисциплин наука и философия не находятся в отношении свехдетерминации. Никто не будет свехдетерминировать философию физикой и биологией, чтобы сделать ее более наукообразной. Нет, мы предполагаем неоднородность этих нейтрализованных областей, тогда как выстраивание отно-

шений между ними может помочь нам смоделировать их различия. Эти отношения основаны на недодетерминации именно потому, что мы допускаем неоднородность. Философия не становится наукой, наука не становится философией, но они могут работать вместе, решая так называемые проблемы «реального мира».

Вместо того, чтобы задаваться вопросом, что значит оценить объект философски, следует взглянуть на него без философии, этики или наук. Недодетерминация — это способ лучше распознать, что именно каждая область привносит в оценку.

Дисциплинарная или недисциплинарная философия?

Мы обозначили своеобразие философии, указав на ее пограничные зоны, альянс эмпирического и невозможного, в то же время этика поддерживает границы между дисциплинами, но только для того, чтобы еще больше погрузить их в современную междисциплинарность. Слишком быстро установить непрерывность между дисциплинами — значит не суметь показать обилие их возможных и невозможных связей. Дисциплины представляют измерения объектов, которые уже необходимо иметь в виду для оценки дисциплин.

Итак, что сказать о философии как дисциплине? Нет смысла избавляться от нее как от устаревшей, ведь она является бесконечным источником философских понятий и методов, которые, вероятно, будут потеряны без нее. Континентальная философия совершает жест, обращаясь к своей собственной истории, в то время как аналитическая философия делает это методами других наук — математической логики, социологии, но всегда с мыслью, что они напрямую влияют на проблемы реального мира. Но нужно попробовать ограничить авторитарные эффекты институциональной философии, настойчиво допуская многообразие философских и научных режимов, преобразуя ее высказывания и устраняя их авторитарное воздействие, разви-

вая саму философию в качестве косвенного способа понять как саму себя, так и наиболее чужеродное ей. В итоге мы видим, что пребывание в «современности» — это ставка и обещание, а не просто сухое позитивистское положение дел. Понять, что значит пребывание в современности, — значит не только преодолеть отсталость, но поместить современность рядом с нами, словно лишая последнюю ее темпоральной силы, получая возможность уронить каплю будущего в эту современность.